

Постепенно становится всё холоднее, пожалуйста, берегите себя и одевайтесь теплее.

Откровенные сцены в этот раз особенно сочные, с благодарностью за прошедший год (господин полицейский!).

Если вы не очень хорошо относитесь к откровенным сценам, пожалуйста, пропустите эту главу.

Большое вам спасибо.

Церковь посещали разные люди. Помимо деревенских жителей, приходящих помолиться и исповедаться, были и те, кто навещал меня. Например, злобная тройца, Лоэндель, родители, близкие друзья, просто знакомые и...

— Лиан~! Как у тебя дела?!

Мой старший брат в тюрбане, с огромным синим пером у левого уха, энергично брал штурмом церковь, в смысле пришёл меня навестить.

— Старший брат... Выглядишь полным сил. В смысле... Что это на тебе?..

Подол темно-фиолетового пиджака и брюк были обшиты прозрачной черной декоративной тканью, кроме того, по краям ткани были пришиты маленькие серебряные колокольчики. Каждый раз, как дул ветерок, они издавали милый звон. Вдобавок к этому на нём были не арабский... или африканский... ну, какой-то такой манер шарф с загадочным рисунком и пояс из легкой ткани с тем же узором. Туфли, вышитые серебряной нитью, на немного высоком для мужчины каблуке.

Сегодня на нём снова был исключительно сумасшедший, то есть, весьма авангардный наряд. Тепло глядя на своего любящего своеобразный стиль брата, я вдруг вспомнил, что на днях заходил Лоэндель, чтобы поделиться новым сбором чайных листьев из ограниченного осеннего набора. Согласно тому, что он тогда рассказал... похоже, мой братец находился в длительной десятидневной командировке в столицу.

Точно. В тот день мы с Лоэнделем сразу же заварили тщательно отобранные чайные листья и позвали Мари и Ала, чтобы совместно насладиться чаем. Получилось очень вкусно и весело. Дворецкий тогда со вздохами рассказал, что в столице в последнее время стал весьма популярен ненормальный, в смысле, странный, то есть, немного авангардный стиль от многообещающего дизайнера, приехавшего из столицы южного государства.

Из-за спокойных будней люди этой страны жаждали необычного... не уверен, поэтому ли, но они были чрезвычайно падки на новые и интересные вещи. Впрочем, и подобную суету они

наводили только поначалу. Через некоторое время им надоедало, и они возвращались к привычному ритму жизни. В конце концов, привычное — всегда самое лучшее.

Это я к тому... что у брата был именно такой тип темперамента, так что я задался вопросом, не поэтому ли всё так сложилось, и он вернулся в подобном виде?

Я потёр внезапно занывший висок.

— Что значит «что»? Это сейчас популярно в столице~ Новое веяние, экзотический стиль, сочетающий в себе тропический узор и прозрачную декоративную ткань! А ещё туфли и сандалии на высоком каблуке! Я сегодня вернулся из столицы! Я дома, Лиан! Как тебе? Мне идёт?

— С возвращением, брат. Ах... это... весьма... уникальное сочетание, — ответил я с улыбкой.

Вот так. Когда ешь что-то невкусное, например, на кулинарном шоу, нельзя сказать об этом напрямую, так что фраза вроде «Уникальный вкус!» — неплохой способ это завуалировать. Ведь если я скажу, что ему не идёт, он начнёт ныть. По-настоящему реветь на пороге. Когда я встретился взглядом со слугой, с уставшим лицом стоявшим позади, тот кивнул в знак благодарности и улыбнулся с чуть слезящимися глазами. Я кивнул в ответ, мысленно поблагодарив его за тяжёлый труд.

На самом деле, если смотреть на предметы одежды по отдельности, то они выглядели достаточно симпатично и качественно, но я отлично понимал, что стильного образа не получится, если нацепить всё разом. Это точно не так. Однозначно.

Думаю, это всё-таки немного перебор, так что стоило сказать пару слов Лоэнделю. Нет, он и без меня немедленно это исправит, если увидит. Это же Лоэндель. С улыбкой приведёт его в надлежащий вид.

— Поэтому я и для Лиана купил~! Вот, держи!

Заявив это, брат протянул мне большой бумажный сверток, перевязанный красной лентой. Он так настойчиво пихал, что я непроизвольно его принял.

— Эм... это?..

— Конечно же, дизайнерская одежда в модном сейчас стиле! Я подумал, что было бы к лицу Лиану, и попросил сшить её!

— Благодарю, но это лишнее...

То, что по мнению братца подходило мне... честно говоря, у меня от этого были только плохие предчувствия.

— В это воскресенье будет служба в рамках праздника урожая, верно? Я тоже приду, так что мне хотелось бы, чтобы ты поприветствовал меня в этом наряде!

— Угу...

Праздник урожая... это проводящийся каждый год праздник с вознесением благодарностей за хороший урожай и молитв об успешном завершении года. За несколько дней до него деревья и двери домов украшали венками, сплетенными из ветвей белолистного «Святого белого дерева». В них также вплетали разноцветные ленты и ветви других деревьев с красными и белыми плодами. Каждый дом проявлял индивидуальность, и это выглядело очень красиво. Затем, в этот день, во время службы все молились и благодарили небеса, возвращались домой и праздновали за ужином.

Поскольку богиня земли, отвечающая за плодородие, очень любила детей, малышам раздавали сладости в церкви и в домах в качестве подарков от богини. Кроме того, эта богиня также невероятно любила веселье и шумиху, поэтому взрослые наряжались в костюмы, чтобы как можно сильнее развлечь её и детей. Как-то так. В этом празднике понемногу смешались Хэллоуин, День благодарения и Рождество.

Нет, всё-таки, не слишком ли много всего понамышано?.. Нормально ли это? Хотя, если всем весело, наверное, всё хорошо.

И на этот праздник мне приготовили тот наряд... у меня очень плохое предчувствие! В общем, я ещё не был уверен, надену его или нет, так что просто поблагодарил брата.

Закончив с делами на сегодня, я принял расслабляющую ванну, освежился и в отличном настроении вернулся в спальню. Но как только в поле зрения попала посылка, очень уж выделявшаяся, занимая место на столе, хорошее настроение моментально испарилось. Для начала... Мне ни чуточки не хотелось, и предчувствие у меня было очень нехорошее, но всё же вещи не были ни в чём виноваты. Невежливо было бы не открывать посылку, к тому же я окажусь в трудном положении, когда спросят о моих впечатлениях от подарка, так что сейчас я просто гляну, что там внутри...

Я собрался с духом и поднял свёрток обеими руками. Но, несмотря на это, мне всё ещё не хватало отваги, чтобы открыть его, так что я просто посмотрел на пакет неприязненным взглядом и вздохнул.

— Это что?

— Ува-а!

Когда меня внезапно окликнули, я подпрыгнул от удивления. Альфред, вернувшийся из ванной и вытиравший голову полотенцем, смотрел мне через плечо.

Что за привычка внезапно подавать голос. Люди же пугаются!

— Что это за свёрток?

— А, ах, это?.. Это... от моего брата... похоже, сувенир из столицы.

— Из столицы?

— Угу...

Я уселся на кровати, уложив большой бумажный пакет на колени, и вздохнул. Ал сел рядом, заинтересованно поглядывая на свёрток.

— Кажется, это дизайнерская одежда, которая сейчас там популярна. Он хотел, чтобы я надел её на праздник урожая.

— Хм?

— Ну... Надену или нет, но как-то раздражает, что свёрток валяется на столе, так что я хотел просто посмотреть, что внутри...

Мне не особо хотелось, но я развязал ленту. Несколько слоев оберточной бумаги были очень красивого нежного светло-голубого и лилового цвета, и я подумал, что бумагу можно сохранить и использовать снова. Да и она может стать неплохой игрушкой для малышни. А вот то, что было в неё завернуто...

— ...

Ого. Что это? Я осторожно приподнял ткань пальцами слегка подрагивающих рук. Это был... костюм на тропический или, точнее, арабский манер, пошитый из дорогой шёлковой ткани, тонкой, мягкой и полупрозрачной, вдобавок вышитой серебряными нитями.

Сиреневый жакет без рукавов был настолько коротким, что даже не собирался прикрывать живот. От подола и до колен струилась светло-голубая прозрачная ткань. Вдобавок по краю было пришито множество маленьких серебряных колокольчиков, издававших нежный звон на каждое движение ткани. Молочно-белые брюки, расширяющиеся книзу, были сшиты из

достаточно тонкой ткани, чтобы сквозь них просвечивала кожа. Мягкими светло-голубыми лентами ткань стягивалась на талии и лодыжках. И, несмотря на то, что это брюки, от пояса до щиколотки имелись смелые разрезы.

Что за?.. Это точно брюки? Что они вообще способны прикрыть или защитить? Не понимаю смысла. То есть, не слишком ли велики эти разрезы? И вообще, дизайнер в курсе, какой сейчас сезон? Зима скоро вступит в свои права. Тут вам не страна вечного лета.

Из свертка выпал листок бумаги. Пока я тормозил, Ал успел его поднять, и уже пробежался по содержимому глазами.

— Это дизайн, вдохновленный прекрасным и эфемерным духом воды из южной страны — уиндиной*, от модельера U.K.

— Дух воды...

К нему также прилагалась бледно-голубая кружевная вуаль. Серебряная диадема и серьги, инкрустированные сиреневыми и голубыми камнями, похожие на колье длинные ленты, а ещё браслеты на руки и ноги. И серебристые босоножки на высоком каблуке, выполненные в той же цветовой гамме и из того же материала.

Надеть? Это? Я? Чтоб ты сдох, чёртов братец...

— Лиан, в сумке ещё что-то осталось.

— ...

Мысленно избивая брата, я сложил одежду и украшения на край кровати и снова заглянул в пакет. Нежно-голубая полоска ткани с прикрепленной к ней длинной веревочкой. Что это? Дополнительный аксессуар?

Я взял ее обеими руками и расправил. И тут же скомкал, сжимая в руках, и прижал к коленям.

— □%#!?!?

Хренов брат, тебя точно ждёт комната нравоучений! Нет, лучше камера! Тюрьма самое оно! Пусть тебя поборники правопорядка поймают! Нет, пускай Лоэндель читает мораль три дня и три ночи! И пусть его нотации постепенно доканывают! Чтоб в конце плакал и просил прощения!

— Что это?

Альфред, заметив, что я застыл на месте, перевёл взгляд на мои сцепленные руки.

Не смотри.

— Н-ничего!

— Если ничего, то зачем прятать?

— Не прячу я!

— Покажи.

Альфред схватил меня за руки, пытаясь силой их разжать.

— Нет! Хватит! Прек-...

У меня всё забрали. Чёрт! Дурная эта силища! Как меня бесит собственное бессилие!..
Поделись со мной немного этими гребаными мышцами! Делись давай!

Альфред взял украденную у меня вещь и, придерживая пальцами обеих рук, развернул.

Прекрати-и-и!

Лёгкий голубой лоскуток, пошитый в форме буквы «Т» и располагающий по бокам длинными завязками того же цвета, подрагивал в больших руках. Так называемые в миру... стринги.

— Это что? Трусы?

— А-а-а, да, это они! Если всё понял, дай сюда!

После моего отчаянного ответа я протянул руку, но тот наоборот поднял трусы ещё выше. Я отчаянно тянулся к ним, но достать не получалось. Ненавижу подобное! И излишней длиной конечностей со мной тоже поделись!

— Нереально тонкие и маленькие... в них вообще что-то спрятать можно?

— Я откуда знаю! Дай сюда!

Я отчаянно тянул руки, но добраться до них так и не мог, хотя оставалось совсем немного. Не

отдавал. Хулиганьё! Плакать буду.

Альфред посмотрел на меня сверху вниз. Перевёл взгляд на костюм, лежавший на кровати, потом на тряпочку, которую держал в руках, и снова на меня.

Не знаю почему, но у меня появилось дурное предчувствие.

— Эй.

— Что?..

— Эта одежда...

— Нет.

Когда я быстро прервал несущее опасность предложение, в полглаза поглядывая на блондина, тот приподнял одну бровь. Так и знал, что он это скажет! Потому что он очень любознательный паразит. К худу или к добру, но тот непослушный вредный мальчишка в нем всё ещё жив и прекрасно себя чувствует.

— Я хочу посмотреть, как это выглядит...

— Ни за что!

— Да только в этой комнате...

— Ни. За. Что!

Альфред слегка обиженно поджал губы. Затем на мгновение поднял глаза к потолку, и снова посмотрел на меня.

— Ограниченная осенняя серия матушки Уолнат*, всего тридцать штук в день, особый золотой ореховый пирог.

— !!!

— Он поступает в продажу на следующей неделе. Когда я помогал с доставкой, мне об этом рассказала тетюшка из магазина в городе. Кажется, если не встать в очередь до зари, не получится купить, да?

— И-именно! Потому что он невероятно вкусный!

Хочу его съесть! Он находился в продаже всего две недели, потому что как только заканчивались ингредиенты, прекращалась и торговля. Семь видов тщательно отобранных больших и маленьких орехов обжаривались в изысканном сочетании до невероятного хруста, сверху их поливали медово-ореховой пастой, сияющей, словно золото, сдобное тесто, смешанное с измельченными орехами, было тоже ароматным и хрустящим, и если есть его со взбитыми сливками, слегка разбавляющими сладость, то можно просто язык проглотить...

— Хочешь съесть?

— Хочу!

— Тогда я встану в очередь, чтобы купить его?

— Правда?! Ур-ра! Полагаюсь на те-...

Я одумался и спешно захлопнул рот. Когда взглянул на Альфреда, тот пакостно улыбался.

— Ты ведь хочешь его съесть, так? Это же ореховый пирог, выпускаемый только в это время ограниченным тиражом, который даже отстоявшие в очереди люди не все могут попробовать.

— Угх...

— Если не попробуешь сейчас, то придется ждать до следующего года. Та тётушка сказала, что это чудесный пирог, который очень сложно купить.

-У-у...

— Поскольку у меня имеется дополнительный доход, на следующий день я смогу снова пойти и отстоять очередь, чтобы купить его. Ведь выдают по одной штуке в руки. Это весьма популярное кондитерское изделие с ограниченным тиражом.

— У-у-у...

Ува-а-а, хочу его съесть!

— Я понял! Я это надену! Так что сдержи своё обещание!

— Принято.

Альфред с улыбкой кивнул на мои слова.

Как же я жалел об этом сейчас... Мне хотелось обругать себя последними словами за то, что поддался минутному искушению. И, если бы я мог повернуть время вспять, то хотел бы со всей дури швырнуть эти позорные трусы в голову наглого блондинистого ублюдка, который отвернулся на время моего переодевания.

Но сейчас ничего уже не поделать.

Я к тому, что вообще не чувствовал, что на мне что-то надето. Каково это? Не думаю, что мне подходит подобное. Никогда не видел мужчину в чем-то настолько развевающимся. Кажется, это обернётся ещё теми проблемами.

— Угх...

— Уже можно?

— Можно... Но если будешь смеяться, я тебя стукну.

Когда Альфред обернулся, его глаза округлились. И он замер. Как я и думал... это всё-таки ужасно. Ну точно жалко выглядящий неподходящий косплей! Мне хотелось умереть от стыда и позора. Поэтому я и говорил, что не хочу надевать!

— Если будешь смеяться, я рассержусь!

Блондин отмер и прикрыл рот рукой.

— А, ага. Я не смеюсь. И всё же, это... плохо...

— Я же говорил!

Всё-таки ужасно. Я и так это понимал, но сердце болело. Такой удар по психике.

— Не плачь. Я не в том смысле...

— И в каком тогда?!

Альфред внезапно дёрнул меня за руку, и я шлёпнулся к нему на колени.

— Ува-а!

Большие тёплые руки блондина коснулись бедер, заставив меня удивиться. Так как ткань была невероятно тонкой, это ощущалось так, будто он касался кожи напрямую. Бедное моё сердечко.

— Эти разрезы слишком откровенные...

— А, ага. Я тоже так дума-...

Одна рука Альфреда проскользнула в разрез, и я непроизвольно отодвинулся. Однако, поскольку, избегая от касания, я наоборот придвинулся к нему, создавалось ощущение, что я прижимался к нему.

— Йа... Ты что тво-!..

— Я вижу веревочку.

Блондин потянул за шнурок нижнего белья, так что мне пришлось прижать его ладонью. По-видимому, это сценическое белье, предназначенное для того, чтобы его было видно. Очень походило на то, которое носили тропические танцовщицы. Мне это очень не нравилось.

— Дурак! Ал, прекрати, не тяни!..

— Я не могу позволить тебе носить подобное на улице... И уж точно не могу позволить тому ублюдку это увидеть...

— А я тебе о чём говорил! Прекрати!

— Да, это... Слишком опасно.

— Ой...

Он приобнял меня одной рукой, а вторая ещё глубже проскользнула в разрез штанов. Пока я думал, что это плохо, большая рука уже скользила по моей коже.

— Ст-!..

Пальцы нырнули под ткань, лаская чувствительные места. При этом парень облизывал мои уши и шею.

— Хи!.. А... Стой, Ал...

Когда я попытался отпихнуть его руками, он уронил меня на кровать.

— Ва-а?! Что ты...

Когда я поднял взгляд, собираясь пожаловаться, на меня уставились глаза цвета индиго, от которых по спине начал разливаться жар. Я тихо пискнул. Эти чёртовы глаза. Опасно. Плохи мои дела. В мозгу завывала сирена, предупреждавшая о грозившей опасности.

— Ах, Ал, успокойся, ладно? Вчера... М-мы же вчера это делали, так?

— Верно.

— П-поэтому... М-м!..

Большой рот накрыл мои губы, слегка прикусив. Поскольку я был посреди произнесения фразы, чужой язык сумел нахально пробраться ко мне в рот. Он был горячим и большим, а когда я попытался его вытолкнуть своим, это только привело к тому, что он начал облизывать мой собственный, словно посасывал вкусный леденец.

— Н... Мх...

Мой рот подвергался непрерывному нападению, и я мог слышать эти влажные хлюпающие звуки, тело и голову охватил жар, дышать становилось всё тяжелее, и сознание начало уплывать. Несмотря на то, что я понимал, что мне нужно сбежать как можно скорее, моё тело против воли охватила дрожь, и я не мог собраться с силами. Я отчаянно пытался отпихнуть чужое тело, но парень даже с места не сдвинулся.

Здоровенный, тяжёлый и силища дурная! Вот почему ты вырос таким огромным, а? Что ты ешь? Расскажи мне.

Пока мои мысли были перепутаны от смятения и волнения, большая рука проскользнула под подол жакета и с силой потеряла сосок.

— Мнх?!

По моей спине тут же пробежала непонятная дрожь. Силы ушли одним махом. Нельзя. Нужно держать себя в руках! Сосок продолжили теревить и растирать кончиками пальцев, а по телу словно пробежал разряд тока, заставляя спину выгнуться.

— Н... Кх... М-мн!..

Недожакет, прикрывающий торс едва ли до пупка, был пошит из мягкой ткани, и под натиском поднимавшихся выше чужих ладоней легко задрался до самой шеи. Вот уж действительно, и не прикрывает эта одежда ничего, и защиты от неё никакой!

— Ст... Ал... Хватит, а-ах... Ах... Нет... А-а-ах...

Не успел я вздохнуть после того, как мои губы оказались на свободе, чужой язык уже лизнул грудь, пройдясь по ореолу соска, а потом его сосали и покусывали с таким усердием, что даже звуки было слышно. Не успел я опомниться, как ненадежная курточка была уже полностью расстегнута и блондин добрался и до другого соска.

Дышать было трудно. Я дышал изо всех сил, но кислорода не хватало и голова шла кругом. Когда блондинистая зараза наконец оторвалась от моей груди, по-видимому, насытившись, я с некоторым облегчением поднял взгляд... на меня смотрели прищуренные глаза цвета ночного неба. Я наблюдал, как это огромное чудовище большим красным языком облизало губы, влажные от нашей перемешавшейся слюны.

Наши с монстром взгляды пересеклись, и я беззвучно закричал. Меня съедят. Все мои инстинкты отчаянно били тревогу и говорили, что всё плохо и нужно скорее спастись, но тело продолжало дрожать, и я не мог двинуться с места. Пояс на талии развязали, пока я медлил, а штаны отправились под кровать.

— Влажный.

— Ах...

Когда я проследил за взглядом парня, уставившегося на меня с улыбкой, то увидел, что нежно-голубая тряпочка нижнего белья намочила и оказалась приподнята.

Лицо горело. Так стыдно. Сейчас умру. Это всё блондин виноват, сволочь такая! Делал все эти извращения со мной! Во всем виновато это золотистое животное. Я этого не хотел. Совсем!

Чувствуя, что мне хочется рыдать (но на самом деле я не плакал!), я попытался прожечь его взглядом.

Глаза этого монстра потемнели ещё сильнее, он угрожающе прищурился и выразительно сглотнул. Затем облизнулся с кровавадной ухмылкой.

— Хи-и!..

Слишком страшно.

— Невозможно. Так не пойдёт... Слишком сексуально.

— О чём ты во-...

Наглая зверюга, сдвинув пальцами тонкую ткань, внезапно впилась в меня огромным ртом, и я, не в силах сбежать, смог только вскрикнуть.

— Ах!.. А!..

Ужасный хлюпающий звук проник в мои уши, хотя я вовсе не хотел его слышать.

— Нет, там... не трога-.... Угх! А-ах!

Три пальца, проскользнувшие внутрь, раздвигались и хаотично нажимали на треклятую точку, словно играя. От каждого такого прикосновения в голове становилось пусто, дышать становилось тяжелее, а тело прошибала дрожь. Мой член у него во рту против моей воли задрожал и излился.

— Хи, стой, не соси... Не-ет!..

Альфред со смачным звуком втянул в рот член, от чего от талии до макушки головы словно пробежал разряд электричества. Моё напрягшееся тело сжало находившиеся глубоко внутри пальцы, и на меня обрушилось море ощущений, даже текущая по коже переполнявшая меня жидкость ощущалась сильнейшим стимулом. Мой разум на какое-то время оказался перегружен, и сознание заполнила белая пелена. Я ничего не мог с собой поделать и, боясь этого, начал издавать жалкие всхлипы.

— У-у-у... Не... Не хочу... Ал... не могу больше!

Наплевав на то, что он услышит мой плач, я бессильными руками отпихнул от себя тяжеленную белокурую башку. И парень наконец сдвинулся, освобождая меня.

— Ах!..

Пальцы из меня тоже выскользнули. Несмотря на это внутри и снаружи всё продолжало пылать и подрагивать, так что от этого было почти больно, и не собиралось утихать. Руки и ноги тоже продолжали дрожать, и я был слишком слаб, чтобы сбежать.

— Они уже все испачкались...

Светловолосый, улыбаясь, потянул смявшуюся светло-голубую ткань. Я увидел, что она была

настолько влажной, что с неё даже капало. Даже думать не хочу, что это была за жидкость.

Блондин большим пальцем сдвинул мокрую тряпочку, подхватил большими ладонями мои бёдра и раздвинул их. Хоть на мне и было надето нижнее бельё, оно вообще ничего не скрывало. Всё было видно. Мне это не нравилось. Слишком смущало. Подобное. Я не хотел, чтобы он смотрел.

— Хи!..

Даже не видя, я понял, как во влажное растянутое место ткнулось что-то влажное и горячее. И что это было, тоже понял.

Когда я всё же взглянул туда, то подумал, что не стоило этого делать. Впервые за долгое время я уставился на его орган. Меня по-прежнему немного пугал слегка нестандартный размер. Эм, он всегда был таким большим?!

— Нет, это невозможно!.. Такой здоровый!..

— Невозможно? Ты о чём? Он всегда входит.

— Враньё, он не влезет... Гх... Ах... А-а-ах!

Большая и горячая штука толкнулась в моё нутро. Медленно. Боли не было, так как Ал постарался, разрабатывая меня, но вот жар и давление были весьма ощутимы. Он вошёл, полностью заполняя собой узкое пространство. И у меня не было иного выхода, кроме как принять его, коротко и резко вдыхая, чтобы наполнить лёгкие кислородом.

— Ах...

Я почувствовал, как самая большая часть до предела растянула вход и проникла внутрь. Я был не на шутку обеспокоен тем, что эта большущая штука без проблем во мне поместилась. Такое просто не могло быть правдой.

— Вошёл...

Альфред склонился ко мне, довольно прищурился горящие глаза, и счастливо улыбнулся.

Серьёзно? Я постоянно впускал в себя нечто настолько огромное? Человеческое тело просто невероятно. В смысле, это я невероятен. Интересно, это моё тело подстроилось таким образом, чтобы спокойно принимать Ала, да ещё так, что я сам этого не осознал? Кстати говоря, сначала это было весьма болезненно. Я — молодец. Плакать хочется...

От лёгкого толчка жар пополам с онемением волной пронесли по телу.

— Ах... Мн...

— Лиан... Обними меня за шею.

Следуя полученным указаниям, я обвил дрожащими руками его шею. В данном случае лучше было подчиниться, потому что сопротивление — это напрасная трата сил. Единственный способ совсем уж не отставать от неумной силищи блондина — как можно сильнее экономить собственные силы и энергию. Бесит, но это я усвоил.

— Ал, пожалуйста... М-медленнее...

Меня пугал его напор. Я боялся, что забудусь, пропаду в нём, потеряю способность мыслить. Блондин нахмурил брови, словно сдерживаясь, прищурился, фыркнул, и его щёки и область около глаз слегка покраснели.

— Понял... Вот так?

Он начал двигаться медленно, будто дразнясь, и кое-что большое то покидало моё тело, то возвращалось в него. Так как он плотно заполнял собой узкое пространство, при каждом движении я ощущал, как он задевал внутри различные потаенные местечки, и моё сознание взрывалось красно-белыми красками.

— Ах!.. Мн... Фуа-а...

— Лиан, тебе приятно?

Даже сладкий шёпот у самого уха возбуждал, и я задрожал, тяжело дыша.

— Ах... А-а!

— Приятно?

При этом он сильно толкнулся внутрь, так что я беззвучно вскрикнул. Внутри и снаружи так горячо. В голове стоял туман. Я не мог сосредоточиться.

— При-приятно...

— Нравится?

Он шептал и лизал мне ухо, и я, задрожав, кивнул. Разгорячённая кожа прилегала к коже, напрямую передавая чужое тепло. Ощущение того, где чьё тепло, постепенно становилось размытым. Мы были связаны этим теплом. От мягких толчков и тело, и сознание будто покачивались на волнах. Нас обволакивал мой любимый солнечный запах и тепло.

Альфред, склонился так близко, что кончики наших носов соприкасались, заглянул мне в глаза и, легонько чмокнув меня, счастливо улыбнулся.

— Мне тоже очень хорошо.

— Ах...

Вот как? Ему приятно? От сказанных слов меня почему-то переполнило счастьем. Когда я рефлекторно обнял его, парень крепко обнял меня в ответ. Тепло. Я так счастлив.

Жар и нега постепенно разливались по телу, и сознание медленно таяло.

Ах.

— Так... хорошо...

Большое тело вздрогнуло, а потом у моего уха раздался голос, напоминавший рычание.

— Лиан...

Большие руки, державшие меня за бёдра, налились силой и развели мои ноги в стороны, заставляя открыться. А потом он прильнул ещё ближе, опираясь на локоть прямо около моего лица...

— Мн... угх... Ах... Стой... Глубоко... Нет, хватит... Хи-и... А-а-а-ах!..

Толстый и горячий член вошёл внутрь с такой силой, словно пытался пройти насквозь. Затем, словно пытаясь проникнуть в плотно закрытое отверстие, толкнулся, раскрывая его, под веками вспыхнули искры, и из моего вставшего члена излилась беловатая, почти прозрачная жидкость. Всё моё тело дрожало, даже изнутри. А мне казалось, что во мне больше ничего не осталось.

— Ах... У-у...

— Ещё глубже... можно?

— Ах... Глу... бже...

Головка горячего и большого члена, с силой толкнувшегося в меня, проникла ещё дальше, раздвинув нежные стенки. Какие уж тут вопросы... он пытался проникнуть как можно глубже. Осознав это, я задрожал.

— Нет, стой...

Обычно он ждал, пока меня совсем не покинут силы и разум, но сегодня слишком торопил события. Почему?

— Прости... Позже я выслушаю все жалобы, я не буду торопиться. Расслабься, Лиан...

— Ст-... Ах... Уа-а-а!..

Поскольку моё тело до этого было расслабленно, горячий член с хлюпающим звуком без проблем протолкнулся ещё глубже в моё нутро. Я напрягся, попытавшись противостоять этому наглому вторжению, но это совершенно не помогло, он продолжил проникать всёдальше.

— Ах... Угх... Нет... Ах!

Через какое-то время продвижение прекратилось, и я почувствовал, как чужие паховые волосы касались моего чувствительного входа. Местечко в глубине пульсировало и сжималось, словно было удивлено внезапно вторгшимся горячим органом, от чего ощущения становились ещё более острыми, так что я снова дрожал и задыхался. К тому времени воздуха мне уже не хватало, разум и тело не могли справиться с накатывающим жаром, слезы лились самопроизвольно, а дрожь и не думала прекращаться.

— Ах...

— Полностью вошёл...

Альфред протяжно и удовлетворенно выдохнул это мне в ухо. Здоровенный кол, на который я оказался насажен, распирал так, что между ним и внутренними стенками даже малейшего зазора не было, и отчетливо ощущалось, как он пульсировал. Горячий. Казалось, внутри вот-вот вспыхнет пожар.

Как далеко он вошёл? Болезненно. Глубоко. Я невольно посмотрел на живот и погладил его дрожащими пальцами, ощупывая. Выглядел немного выпуклым. Мне показалось, что член аж до пупка достал.

— Внутри... Горячо... Ты заполнил...

— ...

Внезапно я почувствовал, что находившийся внутри орган запульсировал и, кажется, стал ещё немного больше.

— Хи-и, нет, хватит увеличиваться!..

— Это ты виноват.

— С чего вдруг?!

— Потому что распляешь...

— Что ты несёшь вообще... Ах, не-е-ет!

Он немного вышел, а потом снова толкнулся внутрь, проникая в самую глубь. Возвратно-поступательные движения повторялись раз за разом. В моё поле зрения, размытое и туманное, попала одна из сиреневых ленточек, которая благополучно развязалась. Теперь она волнообразно раскачивалась вместе с моей ногой.

На мои губы опустился чужой большой рот, поглощая мои стоны.

— Мн... нн!..

— Кх...

Я почувствовал, как твердый орган, двигавшийся во мне, дёрнулся, и горячая жидкость наполнила внутренности. Жар, удовольствие и другие ощущения прошли моё тело, и я тоже выплеснулся, хотя, казалось бы, во мне уже ничего не должно было оставаться.

— А-ах...

Внутренние стенки продолжали дрожать, как будто пытались впитать то, что изливалось внутрь. Жар распространился глубоко по всему телу, внутри и снаружи, а голова, казалось, онемела, будто я вот-вот сгорю.

Ах. Всё. Я полностью расслабил тело. Хотя правильнее было бы сказать, что оно расслабилось само. Руки бессильно упали на простынь.

Мои переполненные внутренности сжимались против моей воли, словно пытаюсь удержать то, что в них попало. Член блондина, обильно излившийся и всё ещё остававшийся твёрдым,

дрожал и подёргивался, как будто от радости. Вход ощущал это и сжимался, и из него каплями выливалась жидкость. Чужие бёдра снова прижались, чтобы вернуть жидкость внутрь, и я снова почувствовал жар, наполняющий самые сокровенные глубины, который, передавшись мне, волной прошёл по спине, заставляя беззвучно вскрикнуть.

— Внутри... Заполнено...

Свободно двигаясь внутрь и наружу, словно покрывая всего меня изнутри этой жидкостью, золотистая скотина счастливо порывивала, облизывая мои лицо, шею и уши. Когда я полностью охрипшим голосом позвал его по имени, здоровенная зверюга, склонившись, внимательно посмотрел на меня и радостно прищурился. Снова довольно рыкнув. И облизал мои губы широким языком.

Два дня спустя.

Как и обещал, блондин с утра пораньше, когда солнце ещё даже не взошло, отправился в город и благополучно вернулся с пирогом из ограниченной осенней серии. На следующий день, когда я оказался не в состоянии встать, он извинился и сказал, что подумает над своим поведением, что ж... Я прощал его, ведь если злиться до бесконечности, это ничем ситуацию не улучшит. Но эта животина была уж слишком забывчивой, так что иногда я дрессировал его за подобное.

Таким образом, сегодня мы пировали: в послеобеденный перерыв к чаю у нас был особый золотой ореховый пирог из ограниченной осенней серии матушки Уолнат. Два куска красиво порезанного пирога были разложены по тарелкам, украшены взбитыми сливками и поданы нам с Мари. Мы с ней невольно радостно захлопали.

— Ува-а-а... потрясающе... выглядит аппетитно!

— Ах... Так красиво сияет! И действительно вкусно выглядит!

Пирог, даже разрезанный на шесть равных частей, всё равно был очень большим, так что кусочки слегка выступали за пределы тарелки. Выпечка в магазине матушки Уолнат была вкусной, недорогой и солидных размеров. Так звучал и девиз магазина, который не изменился со времен его основания. Выглядело потрясающе.

Оставшуюся часть пирога мы поместили в волшебную коробку-холодильник, и завтра он станет десертом для малышей. Я пододвинул опустевшую чайную чашку в сторону блондина.

— Добавки.

— Будет исполнено, господин Лиан.

Сидящий за столом напротив парень, хоть в словах и чувствовалась грубость, ответил нарочито вежливо, принял мою чашку, взял чайник и медленно её наполнил.

Янтарный чай лился по красивой дуге. Перед глазами сиял золотистый пирог. Я отломил небольшой кусочек вилкой, обмазал его в свежих сливках, положил в рот. И застонал от удовольствия. Невероятно вкусно!

Должен сказать, что и чай, который заварил блондинистый грубиян, следуя подробнейшим инструкциям, тоже был весьма неплох на вкус.

— Вкусно?

— Угу. Вкусно!

— Хорошо. Значит, он стоил того, чтобы отстоять с утра очередь ради его покупки.

Вежливость по-прежнему не была его коньком, но так и быть, прощу его на сегодня... Потому что сейчас я занят тем, что кушаю тортик.

— Ах...

— Мгу, хм?

— Снег.

— А?

— Ох, божечки.

Когда я выглянул в окно, то увидел по-зимнему холодное и слегка облачное небо и деревья в раскрашенных деревянных звёздах и цветах, увешанные разноцветными бумажными и тканевыми лентами. Это украшения, которые жители подготовили и развесили несколько дней назад в преддверии праздника урожая.

Конечно же, мы тоже украсили сад и помещения церкви. Фирменное пшеничное печенье деревни Лейс, которое раздавали детям в праздник, тоже было готово. Осталось только заключительное обсуждение дня службы, которым занимались Мари и вызвавшиеся помочь деревенские.

— Снег...

За окном кружился и падал белый снег.

— Ох, божечки. Действительно снег. Как необычно. В прошлом году его не было.

— Да. Прошлой зимой было тепло.

— Хе-хе. Кажется, будто с неба падают маленькие белые цветочки!

Мари счастливо смотрела в окно, радуясь, словно церковные малыши.

Когда мы в последний раз видели снег? Если правильно помню... Я пробудил воспоминания о тех временах и почувствовал ностальгию. Немного болезненное, но всё же теплое, неопишуемое чувство.

— Такой пушистый и белый. Очень красиво.

— Интересно, будут ли сугробы?

— Кто знает? Пока он просто кружит в воздухе, так что трудно что-то сказать.

Альфред тоже с любопытством выглянул в окно. Через некоторое время он повернулся обратно и с улыбкой посмотрел на меня.

— Лиан, когда доешь, пойдём на улицу.

Когда он говорил это, его глаза сияли так же, как у Мари, а голос звучал радостно, словно у малышни, которая собиралась выйти поиграть. Вот же. Насколько бы он ни вырос, он всё ещё ребенок. Я удивленно рассмеялся.

— Хорошо-хорошо, как только доем.

— Ох. Ребята, конечно, играть на улице хорошо, но постарайтесь не поскользнуться и не упасть, ладно? И ещё тепло оденьтесь. Не выбегайте в том, что на вас сейчас. Будет плохо, если вы простудитесь!

— Мари... Мы, знаешь ли, в курсе.

— Госпожа Мари, не надо путать меня с ним!

В смысле, почему ко мне тоже относятся, как к ребёнку?! В голове не укладывалось. Я требую, чтобы это было исправлено. Не нужно нас равнять под одну гребёнку. Я не такой. Уж точно не ребёнок, который побежит наружу сразу, как увидит снег. Я — взрослый человек.

Мы оба одновременно обернулись к Мари, и когда возмутились, звучали одинаково недовольно. Мари недоуменно по очереди посмотрела на нас с Альфредом, а потом её щеки заалели, и она чему-то радостно рассмеялась.

*Уиндина — название духа воды напоминает ундину из европейской мифологии.

*Уолнат — walnut с англ. «грецкий орех».

<http://bllate.org/book/12848/1132211>